

Паоло Сартори, Павел Шаблей

Эксперименты империи

АДАТ, ШАРИАТ
И ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЙ
В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

Новое
Литературное
Обозрение

2024

УДК 94(47+574)«18»

ББК 63.3(2)5-33

C20

Редакционная коллегия серии

HISTORIA ROSSICA

*Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слэзкин, Р. Уортман*

Редактор серии *И. Мартынюк*

Сартори, П., Шаблей, П.

C20 Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи / Паоло Сартори, Павел Шаблей. — 2-е изд. — М: Новое литературное обозрение, 2024. — 280 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-2259-3

В 60–70-е годы XIX века Российская империя завершила долгий и сложный процесс присоединения Казахской степи. Чтобы наладить управление этими территориями, Петербургу требовалось провести кодификацию местного права — изучить его, очистить от того, что считалось «дикими обычаями», а также от влияния ислама — и привести в общую систему. В данной книге рассмотрена специфика этого проекта и многочисленные трудности, встретившие его организаторов. Участниками кодификации и — шире — конструирования знаний о правовой культуре Казахской степи были не только имперские чиновники и ученые-востоковеды, но и местные жители. Каждый из этих акторов имел разные мотивы и по-разному представлял себе ключевую проблему кодификации — соотношение адата (обычного права) и шариата (мусульманского права). Почему эту проблему было так трудно решить? Какие дискуссии в империи она порождала? Почему Россия так и не смогла претворить в жизнь ни один из проектов кодификации обычного права — не только в Казахской степи, но и в других регионах, таких как Восточная Сибирь и Северный Кавказ? Авторы книги — специалисты по истории мусульманских обществ: Павел Шаблей — доцент Костанайского филиала Челябинского государственного университета, Паоло Сартори — старший научный сотрудник Института иранистики Академии наук Австрии.

УДК 94(47+574)«18»

ББК 63.3(2)5-33 + 63.3(5Каз)5

В оформлении обложки использована фотография из архива Библиотеки Конгресса США.

© П. Сартори, П. Шаблей, 2019

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019; 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава первая. Российская империя и Казахская степь в XVIII–XIX вв.: история, колониализм и право	24
Статус региона в составе империи: конструкции исторического знания	25
Диалектика имперского разнообразия: колониальные vs «туземные знания»	35
Знание как ресурс для управления империей	42
Глава вторая. Плохая работа с кодификацией: адат и шариат в Казахской степи	51
Обычай, шариат, закон: к особенностям терминологической путаницы	52
Кодификация как общеимперская проблема	54
Систематизировать и кодифицировать: казахское обычное право в колониальном контексте	60
Работа над ошибками: программы для составления сборников обычного права из Омска и Оренбурга	81
Глава третья. Конфликт интерпретаций: И. Я. Осмоловский, империя и казахская правовая культура	87
Этапы становления востоковеда, или Ориентализм в Российской империи	88
Из центра на периферию: служба в Оренбурге	98
«Записать те немногие исконно киргизские обычаи»	104
«Не подвергнуться в описании обычаев односторонности»: контекстуализируя адат и шариат	111
Публикация сборника может стать «доньне» неведомым шагом «к утверждению магометанства в степи»	124
Сборники казахского обычного права во второй половине XIX — начале XX в.: новый взгляд и/или развитие прежних жанров	138
Глава четвертая. Сырдарьинский фронтир: империя, казахи и центральноазиатские ханства	158
Россия в Центральной Азии: геополитические векторы и причины завоевания	159
Граница и/или фронтир	161

Как управлять фронтиром?	168
А судьи кто? Подводные камни колониальной юстиции на Сырдарье	174
«Сведения необходимые для нас можно получить единственно только через Бухару»	190
Социально-экономическое и культурное взаимодействие на Сырдарье	194
Соблазны фронта: курьезы имперской биографии	209
«Нам надобно шевелиться и двигаться»: новые шаги в центральноазиатской политике	224
Заключение	229
Приложение 1. Сборник киргизских обычаев, имеющих в Орде силу закона. Факсимиле первой и второй страницы второй части	235
Приложение 2. Рапорт председателя Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьева от 29 мая 1857 г.	237
Приложение 3. Предписание оренбургского и самарского генерал-губернатора В. Перовского И. Осмоловскому об обязанностях при назначении на должность	240
Приложение 4. Рапорт управляющего шомекеевским родом подполковника султана Ермухаммеда Касымова (перевод со староказахского и оригинал)	242
Приложение 5. Рапорт есаула Карамышева	244
Приложение 6. Карты	246
Глоссарий	254
Библиография	256
Список архивных фондов	256
Опубликованные источники	257
Исследования	262
Список карт, фотографий и иллюстраций	272
Список сокращений	273
Именной указатель	274

ВВЕДЕНИЕ

В 1857 г. на столе у востоковеда В. В. Григорьева, председателя Оренбургской пограничной комиссии (ОПК), лежал сборник казахского обычного права, подготовленный другим востоковедом — чиновником Азиатского департамента Министерства иностранных дел (МИД) И. Я. Осмоловским. Ознакомившись с содержанием текста, В. В. Григорьев выступил против его публикации, так как труд И. Я. Осмоловского не содержал строгого разграничения между адатом и шариатом, представлявшегося ему очевидным, наоборот, отражал идею, что адат является частью обширной исламской правовой культуры. Считая, что в таком виде работа не соответствует правительственным задачам и несет в себе политическую угрозу, председатель ОПК предполагал осуществить собственную редакцию текста¹.

Противоречия в восприятии казахского обычного права не были просто политической интригой — они отражали разный уровень представлений о местном праве в среде российской колониальной администрации. После вхождения Казахской степи в состав Российской империи власти предпринимали разнообразные действия по адаптации региона к нуждам колониального управления. Одна из таких мер заключалась в кодификации адата, который российские чиновники надеялись использовать для разбора исковых дел казахов. Сама идея кодификации не была лишена противоречий. Для того чтобы собранные материалы отличались ясностью и практичностью,

---

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 5716. Л. 54–55.

необходимо было проанализировать разные источники местного права. Однако чиновники часто путали адат и шариат или пытались искусственно разделить их. Со временем эта путаница осложнилась еще и тем, что шариат стал противопоставляться адату не только в силу невежества некоторых чиновников, но и по политическим мотивам — ислам представлял угрозу на пути реализации реформ Российской империи в Казахской степи¹. В начале 1850-х гг., когда подобная идеология получает широкое распространение, появляется сборник И. Я. Осмоловского, подрывающий прежнюю систему колониальных знаний о местной правовой культуре и демонстрирующий, что подход к ее трансформации не может быть таким очевидным, как его представляли себе В. В. Григорьев и др.

Сюжет этой книги не ограничивается событиями, происходившими в Оренбурге и его окрестностях. Вслед за нашими героями мы переносимся в другую имперскую ситуацию — на Сыр-Дарьинскую военно-укрепленную линию. Примечательно, что здесь дискуссия вокруг адата и шариата не приобрела такого драматического характера, как в Оренбурге. Стратегическая важность Сыр-Дарьинской линии как плацдарма для продвижения вглубь Центральной Азии, отдаленность от крупных административных центров, сосредоточение больших властных полномочий в руках местных чиновников, выгоды торговли с местным населением, тесные контакты казахов с другими мусульманскими этническими группами (бухарцами, хивинцами, кокандцами, каракалпаками) способствовали созданию нового опыта колониального управления. Этот опыт базировался на конструировании системы знаний, которая хотя и вступала в противоречие с идеологическими и политическими доктринами империи, принятыми на вооружение в других регионах Казахской степи, но в силу прагматических соображений не могла быть отвергнута В. В. Григорьевым, В. А. Перовским² и, конечно, самим И. Я. Осмоловским.

¹ Батунский М. А. Россия и ислам. Т. 2. М., 2003. С. 276–277; Ремнев А. В. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX в.) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 32. М., 2006. С. 241–242.

² Перовский Василий Алексеевич (1795–1857) — оренбургский и самарский генерал-губернатор.

В центре нашего исследования находится проблема субъективности знания и множественности имперских ситуаций. Как мы увидим, колониальное управление не основывалось на каком-то едином или предсказуемом производстве знаний. В зависимости от различных факторов империя конструировала новые формы знаний или заимствовала опыт других колониальных держав. Большую роль в этом деле сыграли востоковеды и чиновники разных уровней, противоречия между которыми, а также особенности их взаимодействия с местным казахским населением будут подробно рассмотрены в этой книге. При этом ключевую роль играет вопрос о соотношении адата и шариата, позволяющий нам обсудить не только принципиальные разногласия по поводу специфических правовых вопросов, но и широкий спектр проблем имперской политики, культурных изменений и административного регулирования в разных регионах Казахской степи.

Одним из характерных проявлений имперского конструирования знаний был процесс кодификации казахского обычного права. Примечательно, что его участниками, наряду с чиновниками и востоковедами, были и местные казахи. Их понимание адата и шариата было несколько иным — отличным от того, как эти вещи представляли себе российские власти. Ключевое внимание здесь было сосредоточено на фигуре бия, который в имперском дискурсе объявлялся главным судьей и хранителем «традиционных» правовых знаний (основанных на адате)¹. Однако в действительности все было не так просто. Некоторые бии также были муллами и кади (кади — мусульманский судья)², что демонстрировало синкретизм правовой культуры и комплексность местных судебных практик. Таким же неоднозначным является вопрос о колониальной трансформации адата, а также о том, что представляло собой местное право до присоединения Казахской степи к Российской империи. Так как казахская правовая культура не имела письменной традиции,

¹ Фукс С. Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана, 2008. С. 466–581.

² См. об этом: Frank A. Shari'a Debates and Fatwas among Nomads in Northern Kazakhstan, 1850–1931 // *Islamic Law and Society*. 2017. Vol. 24. P. 63. См. также третью главу данного исследования.

наши знания об адате основываются в основном на сборниках, подготовленных российскими чиновниками. В связи с этим существует несколько интерпретационных парадигм. Первая сводится к тому, что в колониальный период адат был воспринят как некая общепринятая традиция. Имперские чиновники считали, что необходимо записать полную версию популярных среди казахов преданий о судопроизводстве времен хана Тауке (годы правления 1680–1718). Российской администрации импонировала эта мысль еще и потому, что Тауке-хан смог не только объединить враждующие кочевые группировки, но и добиться, согласно рассказам самих казахов, признания своего свода норм обычного права¹ во всех трех жузах. Такой сборник, составленный на основе сведений местных информаторов, должен был воспроизвести «подлинные» черты казахской правовой культуры и стать действующим руководством для чиновников колониального управления. В этом случае империи предстояло отделить доколониальный адат, определявшийся в виде «истинно-казахских обычаев»², от его современных видоизменений, сформировавшихся благодаря влиянию Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), центральноазиатских государств и др.³ Однако подобное объяснение не может восприниматься без проблем. Исследователи колониальных империй убедительно показали, что нормы обычного права не обязательно должны обладать продолжительной (или даже патриархальной) историей. Они могут измеряться временем жизни определенного сообщества. Такое общество сохраняет прежние нормы и адаптирует новые как часть своей схемы социальных соглашений,

¹ «Жеті Жарғы» («Семь уложений») хана Тауке. См.: Материалы по казахскому обычному праву. Сборник / Ред. С. В. Юшков. Алма-Ата, 1948. С. 22; *Спаский Г.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды // Сибирский вестник. 1820. Т. 9, 10.

² Такая интерпретация местного права приобретает устойчивый характер в первой половине XIX в. См.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5716. Л. 54–55.

³ См.: *Валиханов Ч. Ч.* Записка о судебной реформе // Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. Алма-Ата, 1985. Нет сомнений, что подобные мнения имели влияние на руководителей местных административных ведомств. Так, в 1852 г. оренбургский и самарский генерал-губернатор В. А. Перовский поддержал приоритет суда биев в разборе исковых дел казахов, заявив, что кочевники «ни в каком отношении» не подведомственны ОМДС. См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 602. Л. 6 об.

обязательств и т. д. Различия или специфика обычного права, таким образом, не есть что-то устойчивое или строго зафиксированное. Даже в жизни отдельных деревень, кланов, племен некоторые нормы обычного права могут быть несопоставимы, так как служат различным целям, которые преследуют эти общества¹. Важно отметить и то обстоятельство, что исследователи не всегда учитывают особенности мышления, которыми могли руководствоваться местные информаторы права. Востоковед и военный губернатор Сыр-Дарьинской области Н. И. Продеков заметил, что адаптация сознания местных жителей к колониальному контексту происходила гораздо быстрее, чем это предполагали сами составители сборников. Предоставляя колониальным чиновникам информацию о местном праве, казахи Сыр-Дарьинской области могли понимать, что империи выгоден адат, а не шариат². Это допущение позволяло манипулировать одними и теми же понятиями и видоизменять их более ранние значения.

Понимая, что версии казахского обычного права, зафиксированные имперскими чиновниками, могли сильно отличаться от доколониальных практик, мы должны иметь в виду некоторые особенности эволюции местной культуры. Так, исследователи часто обращают внимание на некое внешнее сходство между культурами, верованиями и религиями, которые исторически бытовали на одной и той же территории, и вследствие этого делают выводы о синкретизме религиозного сознания, например об адаптации ислама к шаманизму³. Подобные заключения используются для того, чтобы указать на гибкий и бесконфликтный путь трансформации религиозных практик в истории тюркских народов. Антропологический фокус

---

¹ Woodman Gordon R. A Survey of Customary Law in Africa in Search of Lessons for the Future / Eds. J. Fenrich, P. Gallizzi, T. Higgins. The Future of African Customary Law. Cambridge, 2011. P. 15–17. Эту же идею ясно отразил сборник И. Я. Осмоловского.

² Продеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области: юридический быт. Т. 1. М., 2011. С. 34. Первое издание: Продеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области: юридический быт. Т. 1. Ташкент, 1889.

³ Сызранов А. В. Ислам в Астрахани: история и современность. Астрахань, 2007; Sultanova R. From Shamanism to Sufism: Women, Islam and Culture in Central Asia. London, 2011.

заставляет сомневаться в эффективности двухъярусных моделей. Согласно Девину ДеУису, исследователи (особенно советские этнографы), говоря об «исламизированном шаманстве»¹, часто создавали искусственные рамки, чтобы с помощью научного аппарата, разработанного для шаманизма, изучать менее известный им суфизм². Такой подход, предусматривавший существование различных религиозных наслоений, в конечном счете препятствовал пониманию специфики тех или иных религиозных практик³. С такого же рода проблемами сталкиваются исследователи, когда говорят о существовании регионального ислама и об особенностях ислама казахского, чеченского, сибирского и т. п.⁴ В действительности же это приводит к созданию иерархической модели объяснения и некоей конкуренции разных исламов (например, противопоставляются официальный и народный ислам). С нашей точки зрения, прежде чем говорить о различных региональных проявлениях ислама и его ассимиляционных возможностях, необходимо детально разобратся в истории религиозных практик⁵.

¹ См.: *Басилов В. Н.* Исламизированное шаманство народов Средней Азии и Казахстана. М., 1991.

² *DeWeese D.* Shamanization in Central Asia // *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 2014. Vol. 57. P. 340–348.

³ Например, практика совершения зикра (песнопение, заключающееся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Аллаха) в суфизме, историческая связь которой с шаманизмом не представляется настолько очевидной, как это пытались доказать советские этнографы. Девин ДеУис убедительно продемонстрировал, что особенности суфийского зикра можно изучить с помощью источников XV–XIX вв. См.: *DeWeese D.* Shamanization in Central Asia. P. 349–359.

⁴ *Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009; См. введение к: *Ислам на территории бывшей Российской империи.* Энцикл. словарь / Ред. С. М. Прозоров. Т. 1. М., 2006.

⁵ Одна из них — это культ предков (казахское слово аруак — культ аруаков — имеет арабское происхождение (аруах, рух) и переводится как «души, духи») у казахов. Существуют большие сомнения, что эта религиозная практика была адаптирована к исламу по какому-то предсказуемому сценарию, например на основе своей связи с шаманизмом. Можно предполагать, что суфийская традиция, имевшая глубокие исторические корни в Центральной Азии, контекстуализировала исламский характер культа предков на более ранних этапах его развития, чем предполагают некоторые исследователи. См.: *Privratsky B. G.* Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory. London; New York, 2001. P. 114–153.

Антропологический подход проливает свет и на соотношение адата и шариата. В этом случае различия между ними приобретают значение только тогда, когда они представляются в виде идеально-типичных дефиниций, а бии, муллы и кади пытаются различить адат и шариат только для того, чтобы сказать, как люди должны жить и какими правилами руководствоваться. Однако вследствие разнообразных условий жизни нормативность не может играть определяющей роли, и различиям между адатом и шариатом не предается принципиального значения. В рамках коллективного сознания адат отражает более широкую сферу потребностей. Под ним могут понимать не только шариат, но и ряд повседневных практик — этикет, ритуалы и др.¹

Обращая внимание на обозначенные выше особенности, мы понимаем, что правовая история Казахской степи является частью более широких вопросов о праве, колониализме и имперской истории. В последние десятилетия сложилось несколько важных подходов и теорий в этом направлении. Остановимся на некоторых из них подробнее. Например, идея правового разнообразия/плюрализма («Legal Pluralism»), появившаяся в начале 1970-х гг. на фоне процессов деколонизации стран Азии и Африки. Этот подход стал противовесом к доминировавшему прежде понятию «правовой централизм» («Legal Centralism»)². Сторонники правового плюрализма утверждают, что государство — это не единственный источник нормативности. Существуют и другие ее источники, находящиеся за пределами правовой культуры, которая контролируется государством (например, адат или шариат)³. Классический правовой

---

¹ Такой анализ можно сравнить с особенностями использования понятия салт (обычай, традиция, нрав) в современном Кыргызстане. Антрополог Джу-дит Бейер считает, что любая общая дискуссия о салте задается его нормативными понятиями (закон, легальная система). Когда к салту обращаются в конкретных ситуациях (в повседневных условиях), он приобретает более многозначительный смысл — моральность, обычай, политическая система. См.: *Beyer J. The Force of Custom: Law and the Ordering of Everyday Life in Kyrgyzstan*. Pittsburg, 2016. P. 6–8.

² *Sartori P, Shahar I. Legal Pluralism in Muslim-Majority Colonies: Mapping the Terrain // Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2012. Vol. 55. P. 637–663.

³ *Cotterrell R. Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory*. Aldershot, 2006. P. 36.

плюрализм рассматривается как «слабый» вид правового плюрализма, потому что все правовые институты управляются и контролируются одной системой, связанной с государственным законом¹. «Сильный» правовой плюрализм отражает ситуацию, в которой несколько правовых институтов существуют в пределах одного социального поля, но не все из них контролируются государством². Другие исследователи фокусируются на юрисдикционных ограничениях колониального правового плюрализма. Так, в целях урегулирования конфликтов и поддержания порядка империя вынуждена признать правовое разнообразие. Такое решение принимается не столько по желанию государства, сколько под давлением местных «туземных» элит³. Если применять правовой плюрализм для изучения правовой истории Казахской степи, то следует признать, что все стороны (Российская империя, казахи, бии, кади и другие) могли без проблем различать адат и шариат и использовать правовые альтернативы, ставя под сомнение компетентность местных судей. Однако, как уже говорилось, ни представители колониальной администрации, ни сами казахи не могли провести ясную границу между адатом и шариатом, а если и пытались их разделить, то результат был не самый обнадеживающий. Одновременно с этим мы должны отметить, что ни в Казахской степи, ни на Северном Кавказе, ни в Восточной Сибири идея кодификации обычного права не принадлежала местной элите. Это был имперский проект, который предусматривал колониальную трансформацию адата и контроль над деятельностью местных правовых институтов, которые необходимо было реформировать в соответствии с требованиями политики русификации, а со временем полностью устранить.

Определенной вариацией правового плюрализма является исследование Вирджинии Мартин. Она попыталась рассмотреть

---

¹ *Griffiths J.* What Is Legal Pluralism? // *Journal of Legal Pluralism*. 1986. Vol. 24. P. 3.

² *Moore S.F.* Law and Social Change: The Semi-Autonomous Social Field as an Appropriate Object of Study // *Law and Society Review*. 1978. Vol. 7. P. 719–746.

³ *Benton L.* Law and Colonial Cultures: Legal Regimes in World History: 1400–1900. Cambridge, 2002. P. 1–31. Критику этого подхода см.: *Sartori P.* Constructing Colonial Legality in Russian Turkestan // *Comparative Studies in Society and History*. 2014. Vol. 56. No. 2. P. 419–447.

правовую историю Казахской степи в колониальный период как трансформацию местных юридических практик без использования силы. Сохраняя многие нормы обычного права, империя вместе с тем стремилась благодаря реформам 1868 и 1891 гг.¹ сблизиться с местным обществом, которое могло воспринимать имперские преобразования как реальную возможность для реализации правовых альтернатив. Например, выражая недоверие бию как правовому эксперту, казахи обращались к русской администрации, в русские суды или шли к кади. При этом В. Мартин рассматривает критерии выбора казахами той или иной правовой инстанции через их способность проанализировать значение имперского закона как процессуальной нормы. Так, предпочтение русского суда обосновывается хорошей осведомленностью относительно имперского права, а игнорирование народного суда (суда биев) сводится к утрате авторитета бия как знатока адата и шариата². Иначе говоря, речь идет о вопросах развития правового сознания и возможности различать правовые сферы, анализировать их преимущества и недостатки. Интересно, что в такой же перспективе рассматривается понятие «татарский шариат». Согласно В. Мартин, казахи не всегда принимали «татарский шариат», стремясь остаться в рамках «казахской правовой культуры»³. Такой анализ влияния имперских реформ на правовое сознание и объяснение особенностей правового разнообразия не представляются убедительными. Скорее следует говорить о том, что реформы империи позволили казахам освоить систему колониальных знаний (бюрократические практики, русский язык, связи и др.) и реализовывать благодаря этому собственные прагматические интересы, манипулируя не только отдельными понятиями, но и правовыми процедурами. Результатом этой перспективы также становилась и артикуляция понятия «татарский шариат», когда местная управленческая

¹ Преобразования, которые наряду с другими задачами преследовали цель временно сохранить значение суда биев (народный суд) и снизить влияние ислама и шариата на Казахскую степь. См.: Материалы по истории политического строя Казахстана. Сборник документов и материалов. Т. 1 / Сост. М. Г. Масевич. Алма-Ата, 1960. С. 332–333, 339–340.

² *Martin V. Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century.* London; New York, 2001. P. 104–106.

³ *Ibid.* P. 106.

и интеллектуальная элита¹, рассчитывая на должности и привилегии, говорила языком имперского дискурса, согласно которому «татарский ислам» объявлялся угрозой для реализации колониальных реформ².

Идея правового плюрализма становится популярной и среди казахстанских исследователей. Ж. С. Мажитова и А. Г. Ибраева, например, считают, что правовой плюрализм возникает на территории Казахской степи в начале XIX в. Происходит это по причине исламизации кочевников благодаря созданию ОМДС и разработке проектов кодификации³. Такой подход во многом основывается на некритическом прочтении имперских и советологических трудов, в которых шариат рассматривался в качестве некоего чужеродного элемента, а интересы элиты противопоставлялись интересам простого народа⁴. Однако, несмотря на стремление акцентировать наше внимание на

¹ См. о таких взглядах у Ч. Ч. Валиханова и М. С. Бабаджанова. Оба были известными казахскими этнографами, которые работали в колониальной администрации. См.: *Валиханов Ч. Ч. О мусульманстве в степи* // Ч. Ч. Валиханов. Избранные произведения: библиотека казахской этнографии. Т. 1. Астана, 2007; *Бабаджанов М. С. Заметки киргиза о киргизах* // Этнография казахов Букеевской Орды: библиотека казахской этнографии. Т. 19. Астана, 2007. О том, что их критика ислама не всегда укладывалась в рамки политической конъюнктуры, а имела более сложную природу, см.: *Privratsky B. G. Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory*. P. 17–19; *Frank A. Muslim Religion Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910*. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 280–281.

² Ряд источников показывает другую перспективу — оценивает изменения, сложившиеся вследствие имперских реформ 1868 и 1891 гг. (уменьшение влияния татарских мулл и исключение казахов из ведомства ОМДС), через кризисные тенденции, например рост коррупции и моральное разложение общества, связь которого с шариатом стала слабеть. См.: *Баб ал-Фатава* // Мәгьлұмат. 1910. № 44. Б. 1086–1087; *Ғылмани С. Заманмызда болған ғұламалардың ғұмыр тарихтары*. Т. 1 (Biographies of the Islamic Scholars of our Time. Vol. 1). Жауапты шығ арушылар: Муминов, Ә.Қ. Франк, А. Дж. Алматы, 2013. Б. 431–432; *Борисов С. Беседа с указным муллой* // Томские епархиальные ведомости. 1889. № 13. С. 10–11.

³ См.: *Мажитова Ж. С., Ибраева А. Г. Суды биев и правовой плюрализм в Казахской степи (по материалам Оренбургской пограничной комиссии)* // Вестник КазНПУ. 2017 // <https://articlekz.com/article/18096> (последнее посещение 22.01.2019); *Мажитова Ж. С. Шариат и/или адат в казахском праве (первая половина XIX в.)* // Исламоведение. 2015. Т. 6. № 3. С. 25–33.

⁴ См., например: *Фукс С. Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в.* С. 132–138; отмеченные нами выше работы Ч. Ч. Валиханова, М. С. Бабаджанова, которые обычно используют многие исследователи для изучения ислама в Казахской степи.

правовом плюрализме в колониальный период, сведя взаимодействие адата и шариата к механическому смешению и неспособности самих участников правового разбирательства ориентироваться в особенностях той или иной правовой системы, исследователи не обеспечили целостной картины. Таким образом, возникает необходимость искать другие — более убедительные — подходы для анализа казахской правовой культуры.

Ситуация, сложившаяся в Казахской степи в XIX — начале XX в., позволяет больше говорить о правовой гибридности¹ и непредсказуемых последствиях российских реформ, чем о признании главенства закона как поиска своего места в империи и выбора в соответствии с этим более предпочтительных правовых альтернатив. Иначе говоря, мы допускаем мысль, что правовая ситуация включала в себя множество противоречий и исключений. Несмотря на свои представления о трансформации местного общества и жесткие требования закона, российские власти вынуждены были допускать существование правового разнообразия и даже использовать в гражданских судах практики, основанные на адате и шариате². Признание чиновниками нескольких источников права часто вступало в конфликт с мерами по русификации Казахской степи. В силу того что реальное положение вещей определялось не имперской политикой как таковой, а характером столкновений различных интересов и амбиций в среде администрации, не существовало какого-то простого решения этой проблемы. В этом контексте фокус на правовую гибридность позволяет говорить о неопределенности колониальной трансформации. Так, кодификация казахского обычного права обладала существенной проблематичностью в свете того, каким образом подготовленные сборники могут быть востребованы в судебных практиках казахов.

¹ *Sartori P.* Authorized Lies: Colonial Agency and Legal Hybrids in Tashkent, c. 1881–1893 // *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 2012. Vol. 55. No. 4–5. P. 688–693.

² Так, мировой судья 1-го участка Кокчетавского уезда Акмолинской области Д. В. Кудревецкий отправлял свидетелей к мулле Н. Таласову для приведения к присяге. Эта практика, по словам местного уездного начальника А. И. Троицкого, была «вопиющим» нарушением имперского законодательства. См.: Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 369. Оп. 1. Д. 3822. Л. 19 об.

С этой же проблемой имперские власти столкнулись и на Северном Кавказе. Здесь, как и в Казахской степи, чиновники не смогли адаптировать сборники обычного права к потребностям местной юстиции¹.

Другая черта гибридности заключается в том, что, несмотря на рост исламофобии и требования новых реформ, обусловленных политикой русификации, власти не торопились с устранением отдельных норм шариата или адата, так как их юридическая эффективность почти не заставляла сомневаться в том, что они лучше, чем имперский закон, могут справиться с тонкими вопросами местной рутины, например с нотариализацией прав собственности². С другой стороны, введение гибридности часто воспринималось в качестве временной меры³, особенно на слабо интегрированных в имперскую бюрократическую систему территориях, где ресурсы управления создаются за счет адаптации к местным правовым и социальным особенностям. Этот вариант гибридности будет рассмотрен в четвертой главе, в которой речь пойдет о ситуации на Сырдарье в 1850–1860-е гг.

События на Сырдарье — это интересная совместимость региональной истории, колониализма и права. В 1853–1864 гг. нижнее и среднее течение Сырдарьи было сферой соприкосновения интересов разных политических и социальных акторов: с одной стороны, Российская империя, стремившаяся к завоеванию

¹ *Kemper M. 'Adat against Shari'a: Russian Approaches toward Daghestani «Customary Law» in the 19th Century // Ab Imperio. 2005. No. 3. P. 148–149; Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М., 2002. С. 137–141.*

² *Sartori P. Vision of Justice. Shari'a and Cultural Change in Russian Central Asia. Leiden, 2016. P. 19.* Другой пример гибридности — это случай, когда русский закон не смог полностью заменить мусульманский вакф. Несмотря на попытку отказаться от его использования, в имперских юридических документах второй половины XIX в. (статья 261 Временного положения 1868 г. гласила: «Вакуфы не дозволяются»), мусульмане Российской империи по-прежнему оформляли вакфные сделки, заменяя термин «вакф» русским понятием «дарение». См.: ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1268. Л. 1–7; Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 340; *Ross D. Muslim Charity under Russian Rule: Waqf, Sadaqa, and Zakat // Islamic Law and Society. 2017. Vol. 24. P. 93–100.*

³ Интересный анализ правовой гибридности был сделан в недавней статье К. Балабиева и Ж. Турекуловой. См.: *Балабиев К., Турекулова Ж. Гибридность и когерентность правовых практик у казахов: суд аксакалов в системе правовых институтов и практик (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Ab Imperio. 2018. № 3. С. 187–214.*

Центральной Азии, с другой же — ее политические соперники: Кокандское и Хивинское ханства. Между ними находились казахские кочевые группы, которые могли извлекать выгоду из этого геополитического соперничества или не придавать ему определяющего значения. Таким образом, это не только военная история как неизбежный процесс с его стратегией завоевания¹, динамикой конфликта и мирного урегулирования, но и череда сопутствующих обстоятельств, характеризовавшихся непредсказуемостью и зыбким равновесием. Одна из главных причин такой нестабильности заключалась в трудности определения рамок территориального и политического доминирования. Одни чиновники называли Сырдарью государственной границей, другие — «естественной границей» (т. е. военным пределом)². Однако такие наименования часто шли вразрез с реальным положением дел и, как правило, были связаны с особенностями бюрократического языка или чиновничьих амбиций, которые благодаря языковой экспрессивности усиливали представление о военном имидже империи. Справедливости ради следует отметить, что Кокандское и Хивинское ханства также не выработали какой-либо строгой системы в отношении понятия «граница». Когда чиновники этих государств писали, в частности, о своих северных землях и казахских кочевых группах, располагавшихся на них, речь в основном шла о контроле над народами, а не над территорией³. При этом отношения между кочевниками и центральноазиатскими ханствами не были строго детерминированы и основывались на выполнении только определенных социально-экономических (например, выплата

¹ См.: Morrison A. Introduction: Killing the «Cotton Canard» and Getting Rid of the «Great Game». *Rewriting the Russian Conquest of Central Asia, 1814–1895 // Central Asian Survey*. 2014. Vol. 33. No. 2. P. 1–11; Абашинов С. Н. и др. *Центральная Азия в составе Российской империи*. М., 2008; Васильев Д. В. *Фортост империи. Административная политика России в Центральной Азии (середина XIX в.)*. М., 2015; Глуценко Е. А. *Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования*. М., 2010.

² Morrison A. *Russia, Khoqand, and the Search for a «Natural» Frontier // Ab imperio*. 2014. No. 2. P. 171–178.

³ Ibid. P. 172. См. также переписку чиновников Кокандского и Хивинского ханств с казахской элитой (султанами-правителями, биями), опубликованную в: *История Казахстана в документах и материалах: Альманах*. Вып. 3 / Отв. ред. Б. Т. Жанаев. Караганда, 2013. С. 18–86.

закята) и политических обязательств (военные альянсы, военное снаряжение, строительные работы и др.)¹. Соблюдение этих обязательств не ограничивало особенностей кочевого образа жизни — перемещений по большой территории, входившей в сферу влияния разных государств. Указывая на неоднозначность понимания описанных выше процессов, мы предлагаем расширить представление о пространстве и называть нижнее и среднее течение Сырдарьи в период с 1853 по 1864 г. не границей или военным пределом (учитывая также и нагрузку, которую несут эти понятия), а фронтиром, т. е. сложной контактной зоной². Сам фронтир анализируется как контекст и как процесс. Ситуация на Сырдарье имеет мало общего с другими фронтирными историями Российской империи³ и не всегда удачно может быть вписана в опыт разных колониальных империй. Мы не рассматриваем фронтир как буквальное столкновение между вторгающимся и местным обществом, когда последнее предсказуемо занимает маргинальную позицию и следует правилам игры фронтирсмена⁴. Взаимоотношения между фронтлирующими обществами не были напрямую связаны с особенностями этнической и религиозной идентичности тех или иных групп⁵. Контактная зона в районе Сырдарьи представляла собой сложный, иногда непредсказуемый процесс, включавший много возможностей и ресурсов для фронтлирующих групп и широкий выбор для

¹ Как мы увидим в этой работе, некоторые элементы такой системы отношений использовала и Российская империя, взимая вместо закята кибиточный сбор и используя военные альянсы с местными родоплеменными группами.

² Об этимологии этого понятия см.: *Панарина Д. С.* Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны // *История и современность*. 2015. № 1. С. 15–41.

³ См.: *Barrett T.* *At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860.* Boulder, 1999; *Jersild A.* *Orientalism and Empire. North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917.* Montreal; Kingston; London; Ithaca, 2002; *Khodarkovsky M.* *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800.* Bloomington; Indianapolis, 2002.

⁴ С этой интерпретации начинается история теории фронта. См.: *Turner F.* *The Significance of the Frontier in American History* // *The Frontier in American History.* New York, 1920. P. 1–38.

⁵ Это попытался показать Ю. Маликов на примере взаимоотношений казахов, проживавших на территории современного Северного Казахстана, с казаками Сибирского казачьего войска. См.: *Malikov Yu.* *Tsars, Cossacks, and Nomads: The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the 18th and 19th Centuries.* Berlin, 2011.

обмена¹. Поведение русских чиновников в этой ситуации скорее было подчинено логике местных обстоятельств, чем возведенной в принцип политике. Империя не только поддерживала правовую гибридность, но и санкционировала широкие возможности для осуществления торговой и экономической деятельности во фронтальной зоне. Очевидно, что такие шаги воспринимались разными фронтальными группами неоднозначно. Казахи обращались к колониальным чиновникам с просьбой разобрать их иски согласно адату, шариату или русскому закону. Это обращение было следствием гибкости правового сознания, когда кочевники использовали колониальную интерпретацию адата или шариата в прагматических целях. С другой стороны, отношения в рамках фронтальной зоны не имели какой-то определенной или устойчивой динамики. Учитывая низкую плодородность района Сырдарьи, а также политические обстоятельства, власти не решились осуществлять в 1850–1860-е гг. экономическую колонизацию края, т.е. реализовывать меры, способные ускорить интеграцию региона в состав Российской империи. Не проводилась здесь и миссионерская деятельность, которая могла бы содействовать широкому культурному обмену в рамках фронтальной зоны. Наоборот, некоторые местные чиновники выступили с инициативой сделать отдельные пункты фронта центром притяжения исламской религии, возводя мечети и приглашая мулл из Оренбурга².

Так как главные герои нашего исследования были крупными востоковедами, оказывавшими серьезное влияние на свое интеллектуальное и политическое окружение, следует немного сказать о возможностях использования теории ориентализма. Если считать, что ориентализм — это дискурс, который производится и существует в ходе неравного обмена с различными видами власти, то биографии В.В. Григорьева, И.Я. Осмоловского, его заместителя М.Б. Первухина и других востоковедов показательны в плане адаптации их знания и опыта

¹ Об одной из удачных попыток построения сравнительной модели фронта см.: *The Frontier in History. North America and Southern Africa Compared* / Eds. H. Lamar, L. Thompson. New Haven, 1981.

² О таких взглядах у И.Я. Осмоловского и А.И. Макшеева см. в четвертой главе.

к потребностям колониального управления. В этом отношении научный аппарат выступает средством, с помощью которого утверждается западное колониальное господство. Таким образом, увеличивается культурная, политическая, экономическая дистанция между Западом и Востоком. Последний же, в свою очередь, определяется в терминах загадочного, феминизированного объекта покорения и в то же время «недоброжелательного и опасного культурного соперника»¹. Однако ориенталистский дискурс не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. Некоторые исследователи пришли к выводу, что опыт западных колониальных держав не всегда удачно может быть экстраполирован на историю Российской империи. Адиб Халид, например, полагает, что закономерным считается установление к началу XIX в. «абсолютной цивилизационной дистанции» между интеллектуальной элитой, имперским российским центром и Востоком, ассоциировавшимся с деспотизмом, фанатизмом, эротизмом и т. п.² Его оппоненты признают некоторую упрощенность подобного подхода и замечают, что восприятие Востока в России было сложным феноменом. С одной стороны, проявлялось родство между Россией и Азией, обусловленное как амбивалентностью российской географии, так и интеллектуальным творчеством, сформировавшимся на основе рефлексии отечественной истории и неприятия европейских идей; с другой же стороны необходимо признание сложности самой имперской ситуации, которая, выталкивая на окраину (на военную службу, в ссылку, по заданиям Русского географического общества) многочисленных представителей образованного общества, формировала несколько ориентализмов³. Если для

¹ *Схimmelпенник ван дер Ойе Д.* Ориентализм — дело тонкое // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 253–254; *Schimmelpenninck van der Oye D.* Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven; London, 2010; *Idem.* The Paradox of Russian Orientalism // *Russia's Unknown Orient: Orientalist Painting 1850–1920* / Eds. P. Wageman and I. Koutenikova. Groningen; Rotterdam, 2010.

² Халид А. Российская история и спор об ориентализме // *Российская империя в зарубежной историографии*. М., 2005. С. 319.

³ Эткинд А. Бремя бритоого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1; *Схimmelпенник ван дер Ойе Д.* Ориентализм — дело тонкое; *Knight N.* Was Russia its own Orient? Reflections on the Contributions of Etkind and Schimmelpenninck to the Debate on Orientalism // Там же.

одних интеллектуалов научные дисциплины открывали дорогу к власти¹, то другие, пытаясь проявлять собственную чрезмерную инициативу в производстве знаний о Востоке, потерпели неудачу в административно-политической карьере².

Мы не исключаем, что ориентализм поможет нам прояснить ряд аспектов деятельности В.В. Григорьева, И.Я. Осмоловского и др., но заостряем внимание читателя прежде всего на том, что этот подход не всегда эффективен, чтобы изучать поведение личности в сложной исторической динамике, многофакторности, в которой необходимо выбрать более важное решение и, наконец, соотнести моральность, личные амбиции с имперским сценарием³. В связи с этим важное место занимают принципы герменевтики, позволяющие целостно оценить деятельность отдельно взятого человека в системе его ценностей и смыслов и таким образом выйти на уровень разграничения отвлеченно-теоретического мира (политические установки, требования держать в голове понятие «цивилизационная миссия», дихотомия Восток — Запад и др.), задающего некие исходные смыслы, и субъекта индивидуально мыслящего, укорененного в историческом и социокультурном контексте. Это особенно очевидно при изучении подробностей жизненного пути И.Я. Осмоловского и М.Б. Первухина. Как мы увидим, деятельность каждого из этих чиновников была достаточно противоречивой. И тот и другой часто подменяли стратегии собственного успеха и принятия решений категориями имперского дискурса — например, использовали формализованный бюрократический язык, чтобы скрыть истинное состояние дел. Непоследовательность

---

¹ Так считает Адиб Халид, анализируя биографию исламоведа, инспектора народных училищ Туркестанского генерал-губернаторства Н.П. Остроумова. См.: Халид А. Российская история и спор об ориентализме. С. 310–311.

² *Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire?* // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. No. 1. P. 81–82.

³ Более логичным нам представляется подход Марии Тодоровой, согласно которому анализ ситуации не может быть сведен к простому разграничению между востоковедением как «чистой» наукой и ориентализмом как соучастником имперских акций. Взаимосвязь и неоднородность этих понятий можно выявить только в конкретных контекстах истории империи. См. подробнее: *Тодорова М.* Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // *Российская империя в зарубежной историографии*. М., 2005. С. 352.

ориентализма как властного дискурса в нашей истории показателна и в том, что перед И. Я. Осмоловским, подготовившим сборник казахского обычного права, который встретил существенное противодействие со стороны высших имперских чиновников, не закрываются двери для карьеры и личного успеха. Колониальная динамика выводит субъекта имперской истории за пределы прежней иерархии власти и знания и образует новый контекст. Понимая, что его перспективы в Оренбурге не являются обнадеживающими, И. Я. Осмоловский после взятия русскими войсками кокандской крепости Ак-Мечеть в 1853 г. получает шанс адаптировать собственный опыт и некоторые свои идеи к условиям сырдарьинского фронта, где голоса В. В. Григорьева и других его начальников из Оренбурга не могли в силу разных особенностей восприниматься в качестве догмы колониального знания.

Эта книга неоднородна по содержанию и включает в себя смешанную методологию. Конструкции имперских знаний, которые находятся в центре нашего внимания, анализируются на фоне политических и культурных изменений, происходивших в Казахской степи с конца XVIII в. до середины 1860-х гг. В теоретическом плане такой подход, как правовая гибридность, дополняется концепцией ориентализма, герменевтическим анализом, теорией фронта, позволяющими почувствовать динамику колониальной истории, разобраться в ее дискурсивных и контекстуальных особенностях. Такая теоретическая база и разнообразие контекстов должны дать читателю понять, что с ситуацией в Казахской степи сложно разобраться, если рассматривать изменения только в рамках какого-либо одного вектора развития — например, влияния реформ Российской империи на образование новых обществ и изменение правового сознания.

В первой главе дается представление об истории Казахской степи в колониальном контексте. Кроме того, подробное внимание уделяется практикам имперского конструирования знаний и влиянию этих практик на особенности управления регионом. Вторая глава показывает, каким образом осуществлялись попытки кодифицировать казахское обычное право в Оренбурге и Омске. В силу того что многие чиновники были неспособны проанализировать разные источники местного права,

составленные сборники отличались противоречивостью и вызвали неоднозначную реакцию среди высшего эшелона колониальной администрации. В третьей главе мы рассматриваем, как появление нового сборника обычного права, подготовленного И. Я. Осмоловским и отразившего идею, что адат является частью обширной исламской правовой культуры, подрывает систему колониальных знаний о Казахской степи, которая основывалась на противопоставлении адата и шариата. Дискуссия, развернувшаяся по этому поводу среди чиновников разного управленческого уровня, приводит некоторых из них к идее свернуть или «заморозить» дальнейшие усилия в сфере кодификации. Эти действия были связаны с необходимостью исключить любые риски, которые могут оказать влияние на изменение направлений колониальной политики. И опасения по поводу переоценки И. Я. Осмоловским роли шариата среди казахов играли здесь ключевое значение. В четвертой главе анализируется ситуация, сложившаяся на Сырдарье в период между 1853 и 1864 гг. Процессы, происходившие здесь, изучаются в рамках теории фронта, которая позволяет рассмотреть эту часть колониальной истории на фоне существенного разнообразия правовых, политических и культурных взаимодействий местных обществ и институтов.

В ходе работы над книгой нам очень пригодилось содействие коллег. Особая благодарность Ульфату Абдурасулову, Нурёгди Тошову и Владимиру Бобровникову, которые на различных этапах подготовки этого исследования высказывали ценные рекомендации и замечания. Кроме того, мы признательны Болату Жанаеву, Ильясу Самигулину и Дмитрию Васильеву за помощь в ходе архивных изысканий.

Значительная часть этой работы была выполнена на базе Института иранистики Академии наук Австрии. Мы благодарим это учреждение за поддержку и финансирование.